

II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

А. А. Егоров¹

ПОЭТЫ РУССКИЕ

*Поэты русские, друг друга мы браним,
Парнас российский дрязгами заселен.
Но все мы чем-то связаны родным,
Любой из нас — хоть чуточку Есенин.*

Евгений Евтушенко

Если применительно к шахматам можно вывести определение: шахматы — гимнастика ума, то вряд ли можно найти точную формулу: что такое поэзия? Мне нравится определение древних: поэзия это — язык богов. Но так говорили греки — о гекзаметре. Во всяком случае, природа материальных вещей, хаоса картин, чувственных образов, страстей, смыслов, теней и полутонов, необузданной фантазии, вчерашняя языковая стихия, после некоторых усилий мастера, вдруг самым непостижимым образом, превращается в сплав гармонии, в хорошо организованную речь. Но сами поэты по природе своей никогда не могут быть организованы. А с учётом конформизма, родовых пятен псевдопатриотизма, когда родимая пуповина ангажированных поэтов

¹ © Александр Афанасьевич Егоров, Поэт, член Приморского отделения Союза российских писателей, 690000, ул. Днепрпетровская, 18, г. Владивосток, Приморский край, Россия.

II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

тянется к жирной кормушке, расстановка и градация талантов принимает и вовсе уродливые формы. И не только сегодня. Так, еще во времена Пушкина «продвинутые» критики пальму первенства отдавали не ему, а... Нестору Кукольнику и Владимиру Бенедиктову!?!.. Речь, однако, — о другом.

Прежде чем перейти к существу вопроса, схематично напомним о невосполнимой потере русской поэзией двух самых ярких и талантливых поэтов XX века — Сергея Есенина и Владимира Маяковского. Хотя этот ряд можно легко продолжить; Николай Гумилёв, 1921 г., Алексей Ганин, 1925 г., Борис Корнилов, неукротимо талантливый Павел Васильев, полные стихийной силы земли Сергей Клычков, Николай Клюев, Владимир Нарбут, тираноборец Осип Мандельштам. Таковы урожайно-расстрельные 1937-1938 г.г. В 1941 г. повесилась Марина Цветаева, в застенках погиб муж, а их дочь Ариадна Эфрон, вслед за Анастасией Цветаевой, пошла по этапам. Испили горькую чашу и заглянули в бездну; Варлам Шаламов — три срока, Виктор Боков, Ярослав Смеляков — три срока. То есть — немецкий плен и плюс два советских, Юрий Домбровский — три срока, потомок древнего рода Георгий Оболдуев, гениальный страстотерпец, поэт и философ Даниил Андреев. Чудом уцелел и умер в своей постели Максимилиан Волошин. Эмигрировали в разные годы; Георгий Иванов, Иван Бунин, Иван Елагин, Владислав Ходасевич, Евгений Чинов. Погибли, в послевоенные 1945-1952 г.г. в числе многих других; Арсений Несмелов, Алексей Недогонов, Дмитрий Кедрин, Перец Маркиш. Конечно, это краткий мартиролог, который каждый, в меру своей информированности и художественного пристрастия, может продолжить по своему усмотрению

Давайте вспомним о мартирологе XIX века, составленного Александром Герценом, который позволяет закончить счёт на пальцах одной, максимум двух рук.

Несколько имён добавим и мы, на свой, субъективный вкус; Рылеев, Грибоедов, Пушкин, Бестужев-Марлинский, Полежаев, Лермонтов. Кюхельбекер, Шевченко, Чернышевский, Достоевский. А эти-то как оказались в списке? Они умерли в своей постели! Но ведь преследовались царизмом! Заметим, лишь один Рылеев кончил виселицей. Он соратниками не был оклеветан, безвинной жертвой не назовёшь. А судьбы Грибоедова, Пушкина и Лермонтова — совсем другого ряда. Уместно сделать сравнение: только за 30 лет сталинского правления русская поэзия понесла урон, превышающий потери всех стран мира вместе взятых за все века и тысячелетия известной истории мировой культуры, А с учётом прозаиков, драматургов, критиков, переводчиков и литературоведов — гекатомбы. Это всё равно, что пытаться сравнивать

все потери мировой войны 1939-1945 г.г. с потерями в наполеоновских войнах 1805-1815 годов.

Сознательно не упоминаю поэзию союзных республик, поэтов погибших на фронтах Отечественной войны. Ибо это святая тема требует более всего трепетного отношения и, самое главное, — честности, без эксплуатации имён, национальностей и других факторов. Но мы о них (спасибо агитпропу) хоть что-то знаем. О других, не менее героических поэтах, читающая публика почти ничего не знает. А они были. Были. Были.

Я хочу остановиться на потерях в брежневскую (вегетарианскую) эпоху, когда ни одного поэта не расстреляли (разве что втихую душили и травили в психушках). Более того, равнодушная к судьбам отечества интеллигенция, стала презирать конформистов, когда стала расцветать и укрепляться кухонная философия, которая внесла свой вклад в дело освобождения части населения от коммунистического морока, а ряды конформистов стали давать трещины. Тогда-то и зазвучали робкие бардовские струны Юрия Визбора, зачирикал Геннадий Шпаликов, обозначил тишайшие струны души Булат Окуджава, агонизируя, захрипел бунтарским горлом Владимир Высоцкий. А тихий голос «Ивана Денисовича» задал высокий тон писателям «деревенщикам»: Федору Абрамову, Владимиру Тендрякову, Василию Белову, Валентину Распутину, Виктору Астафьеву, Василию Шукшину. К их голосам присоединились академики Андрей Сахаров и Игорь Шафаревич. Словно подслушав рецепт весьма осторожного Давида Самойлова, стала утверждаться и литература неподцензурная:

*Всё есть в стихах — и вкус, и слово,
И чувства верная основа,
И стиль, и смысл, и ход, и троп,
И мысль изложена не в лоб.
Всё есть в стихах — и то, и это,
Но только нет судьбы поэта,
Судьбы, которой обречён,
За что поэтом наречён.*

В эти годы, часто встречаясь с автором безвестного (на тот момент) «Реквиема», стали делать свои поэтические биографии-судьбы «четыре мальчика» — Дмитрий Бобышев, Анатолий Найман, Евгений Рейн, Иосиф Бродский.

Именно он, входя в поэзию, заявил: *Я родился и вырос в балтийских болотах, подле серых цинковых волн, всегда набегающих по две...*

II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

А подводя итоги своей биографии, сказал: *Я вырос в тех краях. Я говорил «закурим» их лучшему певцу. Был содержимым тюрем.*

Или: *Я входил вместо дикого зверя в клетку, Выжигал свой срок и кликуху гвоздём в бараке...*

Как тут не вспомнить о судьбе многострадальной Анны Барковой (1901 г. -1976 г.), которая первый раз села в сталинскую эпоху (1934 г.), а вышла в брежневскую (1965 г.). О Барковой (в предисловии к книге «Женщина» 1922 г.) писал Анатолий Луначарский, как о надежде русской поэзии. Вот её стихи за 1932 г.

*Где верность какой-то отчизне
И прочность родимых жилищ?
Вот каждый стоит перед жизнью –
Могуч, беспощаден и нищ*

.....
.....

*Живёт за окованной дверью
Во тьме наших странных сердец
Служитель безбожных мистерий,
Великий страдалец и лжец.*

За три (предсказуемые!) посадки набралось 23 года тюрем, пересылок, лагерей, столыпинских вагонов и три года ссылки. Это четверть века! Не много ли для надежды русской поэзии!! Для женщины!!! Разве что — повезло! — не расстреляли. За что? — За честное слово.

Так и оказалось. За честное, исповедальное отношение к горнему слову залетела в мрачные казематы Крестов и Ольга Бергольц, жена Бориса Корнилова, автора замечательной песни: «Нас утро встречает прохладой», где, выбивая из неё абсурдные показания, выбили из чрева и ребёнка, быть может, гениального поэта. Залетела (словечко-то какое! — специфическое!!), но и по сей день, в блатном государстве (в прямом и переносном смысле слова), то и дело с самых высоких трибун слышим: (Утрясём, замочим, порешаем...) Так вот, залетела и этнограф, поэтесса, одна из последних учениц Андрея Белого, — Нина Ивановна Гаген-Торн, отсидевшая в два приёма 12 лет. Первая посадка в год принятия сталинской, самой демократической конституции в мире — в 1936 г. Прошли по краю бездны, чудом уцелели и умерли в своих постелях; Юлий Даниэль, Анатолий Жигулин, Валентин Солоухин, художник и поэт Федор Сухов, переводчик «Витязя в тигровой шкуре» Николай Заболоцкий. Я всё о поэтах, но не могу не упомянуть о прозаике Олеге Волкове, отсидевшем 27 лет, и о незаурядном инженерере, эссеисте и философе Димитрии Панине отсидевшем 17 лет. Не знаю, надо ли

упоминать имена главных конструкторов ракетных двигателей: Королёв, Глушко, Янгель, авиационных конструкторах: Туполеве, Поликарпове, итальянском бароне-коммунисте, миллионере Роберто Баттистини, приехавшего строить социализм, но проведшим многие годы в советских лагерях. Погибли при загадочных обстоятельствах, высланный за границу культуролог и историк (написавший работу «Просуществует ли СССР до 1984 г.?») Андрей Амальрик и замечательный сценарист, поэт и исполнитель собственных текстов Александр Галич.

Бежали в разное время из счастливой страны писатели Анатолий Кузнецов, уехали добровольно или были высланы Эдуард Лимонов, Юрий Кублановский, Иосиф Бродский, Наум Коржавин, Сергей Довлатов, Владимир Войнович, Владимир Максимов, Георгий Владимов, Андрей Синявский, Виктор Некрасов, Василий Аксёнов, Александр Солженицын; десятки и сотни художников, артистов, режиссёров, танцоров балета, музыкантов. И плоть от плоти — производное Системы — крупные военные (полковники и генералы), давая информацию к размышлению (что не всё ладно в датском королевстве), бежали рядовые дипломаты и даже послы... А всю эту информацию можно было прочесть в стихах и прозе наших писателей. Подумать только, из пяти лауреатов нобелевской премии — четверо преследовались советской властью: Иван Бунин (который в разные годы был дважды лауреатом Пушкинской премии и премии имени братьев Гонкур), Борис Пастернак, Александр Солженицын, Иосиф Бродский, у которого в СССР было опубликовано всего четыре стихотворения! За это был осужден, считался — тунеядцем!!

Погиб в застенках Чистопольской тюрьмы (1986 г. третий срок) Анатолий Марченко. В тот же год был выслан за границу физик-идеалист, поборник социализма с человеческим лицом Юрий Орлов. Ещё ранее, пройдя психушки, был выслан генерал Пётр Григоренко, биологи Жорес Медведев и Валерий Сойфер. Погиб талантливейший математик Револьт Пименов, а в мордовских лагерях на 6 году заключения погиб 33-летний Юрий Галансков, там же погиб украинский поэт Василь Стус. Вместе с ними сидели талантливые прозаики; ныне главный редактор журнала «Москва» (уже не редактор!?) Леонид Бородин (три срока) и главный редактор газеты «Русский берег» Борис Черных.

Это они своими судьбами оплатили наше сегодняшнее, более-менее свободное общение, возможность говорить без предварительного согласования текста. Но времена всё ещё аховые, всё ещё поэт-патриот не востребован обществом, более того, находится под прессом житейских проблем, а точнее говоря — вопиющей нищеты. А самые честные — ведут маргинальное существование. Но горше всего подавляет поэта даже

II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

не нищета, а духовная неприкаянность, о которой полтора века тому назад писал Кюхля:

*Горька судьба поэтов всех племён;
Тежеле всех казнит судьба Россию.*

Вильгельм Кюхельбекер

*И вот, Россия, «громкая держава».
Твои сосцы губами теребя,
Я выстрадал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.*

Владислав Ходасевич

В брежневское глухозимье поэты чередой уходили в мир иной. На самом деле их намного больше, чем можем себе представить. Вот лишь некоторые имена и даты их короткой жизни:

- Александр Анциферов (1930-1964) ушёл из жизни в 34 года;
- Дмитрий Голубков (1930-1972) в 42 года застрелился;
- Алексей Прасолов (1930-1972) в 42 года застрелился;
- Дмитрий Блынский (1932-1966) ушёл в 34 года;
- Анатолий Передреев (1932-1987) в 55 лет;
- Юрий Смирнов (1933-1978) в 45 лет;
- Валентин Лукьянов (1936-1987) в 51 год;
- Николай Рубцов (1937-1972) в 35 лет убит;
- Владимир Высоцкий (1938-1980) ушёл в 42 года;
- Александр Тихомиров (1941-1981) в 40 лет;
- Алексей Заурих (1941-1983) в 42 года;
- Мавр Ян (1941-1986) в 45 лет добровольно ушёл из жизни;
- Геннадий Лысенко (1942-1978) в 35 повесился в писательской организации Приморья;
- Сергей Чухин (1944-1984) ушёл в 40 лет;
- Владимир Шлёнский (1945-1986) в 41 год;
- Александр Ревенко (1948-1977) в 29 лет трагически погиб;
- Александр Гаврилов (1948-1983) в 35 лет умер от разрыва сердца, а нам оставил завещание:

*Давайте вспоминать друзей,
Ушедших поздно или рано,-
Пусть в собственной душе твоей
Кровоточит живая рана...*

Александр Гаврилов

А вот о всех нас Александр Тихомиров:
Отчего голова поседела?

*Вроде не с чего ей поседеть...
За меня вся родня отсидела –
Так что мне не придётся сидеть.*

Вердикт века: «Вся родня отсидела...», диагноз, но вместе с тем и предупреждение: шутки в сторону. Не принимаете правил игры с властью. Вон за кордон! Или — пожалте в психушку, а то и в лагерь. Для всех совестливых и честных даже был придуман циничный диагноз: *обострённое чувство справедливости*. А еще следует вспомнить и трагические смерти Леонида Губанова (бросился из окна многоэтажки), Александра Башлачёва (бросился с крыши дома), Александра Сопровского (33 лет погиб в автомобильной катастрофе 1990 г.) — А в какую графу занести смерть священника Александра Меня (1990 г.), поэта и певца Игоря Талькова (1991 г.).

Смерть в 53 года (от разрыва сердца) (1991 г.) в сановной прихожей талантливого поэта, прозаика и публициста, четырежды неприятого в Союз Советских писателей — Юры Кашука? Самоубийство Юлии Друниной (1993 г.) и Бориса Примерова (1996 г.). И вот достижение «демократии» — вместо громких политических процессов — таинственные смерти трёх депутатов Государственной думы: Галины Старовойтовой, Сергея Юшенкова, Юрия Щекочихина; журналисток Валентины Юдиной и Анны Политковской. Посмертную травлю фронтовика-инвалида Виктора Астафьева, который, прозрев, не жалуется маршала-мясника. Не стеснясь, и не оглядываясь на дутые авторитеты, честно рассказал свою солдатскую правду. И кто посмел травить? — Литературный чмо, после смерти которого, читатель не вспомнит не только ни одной книжки, а даже и ни одной его строчки, разве что развесёлую и смачную фамилию (Чмукала, Чмокала?), а вся «слава» останется в памяти свидетелей их былой «дружбы-выжидания», когда это Чмо нуждалось в авторитетной поддержке фронтовика. А после его смерти решил: оттянуться — на могиле заслуженного свидетеля трагической победы русского солдата над коричневой чумой — сплясать канкан. Таковы нравы пигмеев.

*Слава Богу, я не стихами, ни прозой не содействовал
сворачиванию своего Отечества с верного пути.*

Пётр Чаадаев

Говоря о призвании литератора (в данном случае — поэта) почти 140 лет тому назад Яков Полонский оставил уникальное завещание поэтам всех времён:

*Писатель, если только он –
Волна, а океан — Россия,*

II. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

*Не может быть не возмущён,
Когда возмущена стихия.
Писатель, если только он –
Есть нерв великого народа.
Не может быть не поражён,
Когда поражена свобода.*

К сожалению, мы все были слепоглухонемыми, не видели и не слышали громового выстрела в своё изболевшееся и исстрадавшееся сердце бывшего собкора газеты «Правда» по сельскому хозяйству Валентина Овечкина. Как впрочем, и сегодня не видим бед народных, не хотим слышать повсеместного стона и подземного гула негодования, безвозвратного усыхания животворных корней крестьянской Атлантиды, не только ожидаемого прироста строителей советского капитализма, а чудовищно неостановимую деградацию оставшейся части сельского населения. Если до революции во всей деревне были один-два пропойных мужика, то нынче, после всех кровавых экспериментов, — один-два трезвенника.

Известно чем кончилось строительство библейской Вавилонской башни, совсем недавнее строительство нашего города-сада по Маяковскому. Когда в августе 1991 г. народ отказал в поддержке и защите прогнившей номенклатуры. Но и в наше время мало надежды на спасение и защиту коттеджей нуворишей. А на таджикского легионера всерьёз рассчитывать не стоит. Но уроки временщикам-небожителем, к сожалению, так и не пошли впрок. Безработица, порождает лень и нищету. А та, в свою очередь, все мыслимые пороки века: алкоголизм, наркоманию, проституцию, преступность, детскую беспризорность, всесокрушающую бездуховность. Лавинообразная собчазация и эффект домино — синонимы. Новая *жатва скорби* катит по весям и долам России. Остановима ли она? — Поймём ли, усвоим сакральный завет Владислава Ходасевича. Поэт — сеятель своего слова, и вновь возрождается к жизни через своё слово:

*И ты, моя страна, и ты, её народ,
Умрёшь и оживёшь, пройдя сквозь этот год,-
Затем, что мудрость нам единая дана:
Всеми живущему идти путём зерна.*

Каждого поэта определяет судьба и пространство, если он дальше своего собственного дома, села, города не бывал, то ему, собственно, и сказать нечего, а если у него ещё и холодная кровь, рыбье сердце и гибкий позвоночник, то ничего хорошего обществу, кроме вреда, принести он не может. Хорошо бы, если каждый из нас понял, что

последние нравственные рубежи нами сданы, нивы поросли чертополохом. Чтобы каждый проникся ощущением «останнего часа», стал «нервом великого народа», тем спасительным камертоном, по которому всё общество сверяет и настраивает свои сердца. Поучаствовал хотя бы своим честным словом, а ещё лучше и делом, непрерывной работой духа по изменению звериного лика Отчизны. Что многие из нас отныне станут исповедывать заветы великого подвижника земли русской — Александра Солженицына «Жить не по лжи».

Вот, что 55 лет тому назад об этом писала Анна Баркова, словами которой я хочу закончить своё выступление:

*Ты опять стоишь на перепутье,
Мой пророческий, печальный дух,
Перед чем-то с новой властной жутью
Напрягаешь зрение и слух.
Не родилось, но оно родится,
Не пришло, но с торжеством придёт.
Ожиданье непрерывно длится,
Ожиданье длится и растёт.
И последняя минута грянет.
Полыхнёт её последний миг.
И земля сметенная восстанет,
Изменяя свой звериный лик.*